

*Н. Н. Воронцов на пресс-конференции на Таити.
Март 1992 г.*

зиденту Франции г. Жаку Шираку с призывом отказаться от одного из своих предвыборных тезисов — возобновления ядерных испытаний. Это письмо подписали все российские члены Всемирной организации парламентариев за сбалансированную окружающую среду, представляющие почти весь спектр политических сил в Парламенте: «Выбор России», «Яблоко», ДПР, Компартия, ЛДПР. <...> Фактически новый Президент Франции г. Жак Ширак ответил... объявлением о намерении провести 8 ядерных взрывов на Муруроа, начиная с сентября этого года.

Судно «Рэйнбоу Уорриор» вновь вышло к Муруроа под руководством новозеландской активистки Стефани Миллс. Я шлю привет мужественным участникам этой экспедиции.

Мне кажется, что потеряно еще не все. Я надеюсь, что политические лидеры, общественность смогут объяснить Президенту Франции, что величие Франции обеспечивается не ее ядерной мощью. Как величие России не обеспечивается чеченской войной.

До сентября еще есть время. Отказ от необдуманного решения придает державе и ее руководителю больший вес, чем последовательное проведение необдуманной политики.

быть ничего», успел описать, по сути, лишь первое десятилетие своей жизни*. До главы «С «Гринписом» к Муруроа» оставалось еще почти полвека...

Мы уже не сможем узнать, какую точку в этой главе поставили бы память и перо самого автора: 3 марта 2000 г. Николай Николаевич Воронцов умер. Однако в незавершенности его рассказа есть своя правда: ведь не поставлена точка и в самой истории ядерных испытаний. Весной 1995 г., через два с половиной года после того, как в ноябре 1992 г. все ядерные державы, за исключением Китая, прекратили испытания, преемник Миттерана Жак Ширак объявил о намерении Франции возобновить взрывы на Муруроа. В те дни Николай Николаевич обратился к своим иностранным коллегам по Всемирной организации парламентариев за сбалансированную окружающую среду со словами, которые могут послужить эпилогом к этой неоконченной главе его яркой и внезапно оборвавшейся жизни:

16 мая 1995 г. 10 депутатов Государственной Думы России передали через посольство Франции в Москве письмо Пре-

* Сокращенный текст этих воспоминаний см.: *Воронцов Н. Н. Забыть не в силах ничего // Знамя. 1998. № 11. С. 130–149.*

Э. С. КАЛЯЕВА

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ

В предисловии к своей книге «Развитие эволюционных идей в биологии» Н. Н. Воронцов подробно описал свою научную родословную. Имена, в ней упомянутые, говорят не только о многочисленных учителях, которых он умел находить всю жизнь, но и о благодарном, памятливым ученике. Следуя его примеру, я попытаюсь рассказать о самом Н. Н. Воронцове как учителе.

Мы познакомились осенью 1953 года. Мы — это несколько московских школьников, прочитавших объявление на дверях Зоомузея и записавшихся в кружок при кафедре зоологии позвоночных МГУ, которая еще находилась в том же здании (тогда — улица Герцена, сейчас — Большая Никитская). Годом позже весь биолого-почвенный факультет переехал в новое здание на Ленинских горах.

Вели кружок два студента-третьекурсника Коля Воронцов и Слава Чабовский. Но именно знакомство с Николаем Воронцовым определило дальнейшую судьбу многих кружковцев.

В те годы наиболее популярными среди московских юннатов были школьные кружки при Зоопарке (Кружок юных биологов Зоопарка — КЮБЗ) и Всесоюзном обществе охраны природы (ВООП), участники которых постоянно общались между собой. В кафедральном кружке была своя специфика. Традиционными были выезды в выходные дни «на природу» — в Лосиновостровский заказник или на биостанцию МГУ под Звенигородом. Там учились различать птиц по голосам и силуэтам в небе. По следам, помету и погрызам осваивали методы учета численности, изучения суточных и сезонных миграций животных, постигали такие понятия, как экологическая ниша, станция переживания, биотоп. А кроме того, усваивали, что для натуралиста не существует «грязной» работы и плохой погоды. Выражаясь поэтическим языком, «состав земли не знает грязи», или, как говорили бывалые КЮБЗовцы, — «здесь вдвое дальше и вдвое гаже — пойдемте здесь!» А в Москве велись регулярные практические занятия по систематике птиц и млекопитающих и лекции, которые неизменно читал Николай Воронцов.

Место для занятий кружка располагалось над залами Зоомузея, «на хорах» среди шкафов, где хранились многочисленные коробки с тушками зверей и птиц, собранными несколькими поколениями зоологов. Каждая тушка сопровождалась

Н. Н. Воронцов. Сентябрь 1954 г.

Место для занятий кружка располагалось над залами Зоомузея, «на хорах» среди шкафов, где хранились многочисленные коробки с тушками зверей и птиц, собранными несколькими поколениями зоологов. Каждая тушка сопровождалась

этикеткой с видовым латинским названием, именем автора, впервые описавшего этот вид, а также с указанием места и времени находки и фамилией зоолога, добывшего данный коллекционный экземпляр. Мы невольно приобщались к цепочке профессионалов, да и на нас смотрели как на будущих коллег. Нас обучали навыкам полевой и лабораторной работы, посвящали в научные проблемы — от способов изготовления тушек и чучел до теорий видообразования и эволюции, жарких споров вокруг них.

Все это коренным образом отличалось от школьной программы по биологии, где в те годы господствовали взгляды академика Т. Д. Лысенко, который допускал превращение одного вида в другой в результате изменения состава пищи. Типичный пример — утверждение Лысенко, что если пеночку кормить мохнатыми гусеницами, из ее яиц выведутся кукушата. Лозунг «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача» был государственной программой действий и с детства внедрялся в сознание. Сейчас уже как-то позабыли, что именно варварская идеологизация науки привела к тому, что ученые не могли воспрепятствовать невежественному насилию над природой.

Наш двадцатилетний учитель стал для нас проводником научных идей и традиций, официально запрещенных после разгрома отечественной биологии в 1948 году. В те годы кристаллизировались его собственное научное кредо и жизненная позиция, и он щедро делился с нами, вел за собой.

К счастью, книги опытных ученых и старые учебники можно было купить в букинистических магазинах. По подсказке Н. Воронцова мы выискивали их у букинистов. В частности, «Курс генетики» Э. Синнота и Л. Денна, для того чтобы постичь азы запрещенной «формальной» генетики. Сам Н. Воронцов, смеясь, рассказывал нам, как для усвоения менделевских законов расщепления студенты самостоятельно придумывали генетические задачки. Например, рассматривали возможное «скрещивание» рыжего однокурсника с девицами разной масти и расписывали все предполагаемые вариации «окраски» потомства в первом и втором поколениях. (Насколько я помню, моделью служил Г. Заварзин.)

Помню, как Н. Воронцов впервые привел нас к А. Ф. Котсу, основателю Биологического музея им. Чарльза Дарвина. Одним из наиболее впечатляющих моментов был рассказ Котса о том, что поначалу он был противником теории естественного отбора и начал собирать материал, ее опровергающий. Потом, по мере приумножения коллекции, он убедился в правоте Дарвина.

Сейчас уже трудно понять, что в те годы, когда в общество внедрялось единомыслие, а все основные научные вопросы рассматривались с позиций «единственного правильного марксистско-ленинского учения», сам факт обсуждения аргументов против общепризнанной теории Дарвина мог произвести революцию в мышлении подростков. Становилось понятно, что элементарный научный подход противоречит практике последователей Лысенко, которые учили рассматривать только доводы в пользу «правильных» теорий и полностью игнорировать все, что их не подтверждает.

Николай Воронцов специально фиксировал внимание своих питомцев на соответствии методов исследования поставленной задаче, на точной записи наблюдений. Воспитание велось на простейших примерах. Казалось бы, совсем простая задача — измерение роста зверька. Однако, вопреки ожиданиям, измеряемое расстояние от носа до кончика хвоста может то увеличиваться, то уменьшаться — в зависимости от напряжения животного. Подчеркивалось, что запись в рабочем журнале должна точно соответствовать величине, полученной при измерении. Любая поправка результатов, подгонка под желаемый ответ — преступление. За-

помнился рассказ Н. Воронцова о трагической судьбе австрийского зоолога П. Каммерера, пытавшегося доказать факт наследования благоприобретенных признаков у амфибий. Суть его экспериментов заключалась в демонстрации передачи по наследству пигментных пятен на коже, образующихся у животных, обитающих на темном грунте. Как оказалось, один из сотрудников Каммерера, желая ему угодить, делал подопытным животным инъекции обыкновенной туши. Когда это обнаружилось и разразился скандал, Каммерер покончил с собой. Из подобных рассказов складывалось представление о необходимости высоких нравственных критериев в научной работе, о том, что, выбирая науку, — выбираешь стиль жизни, судьбу.

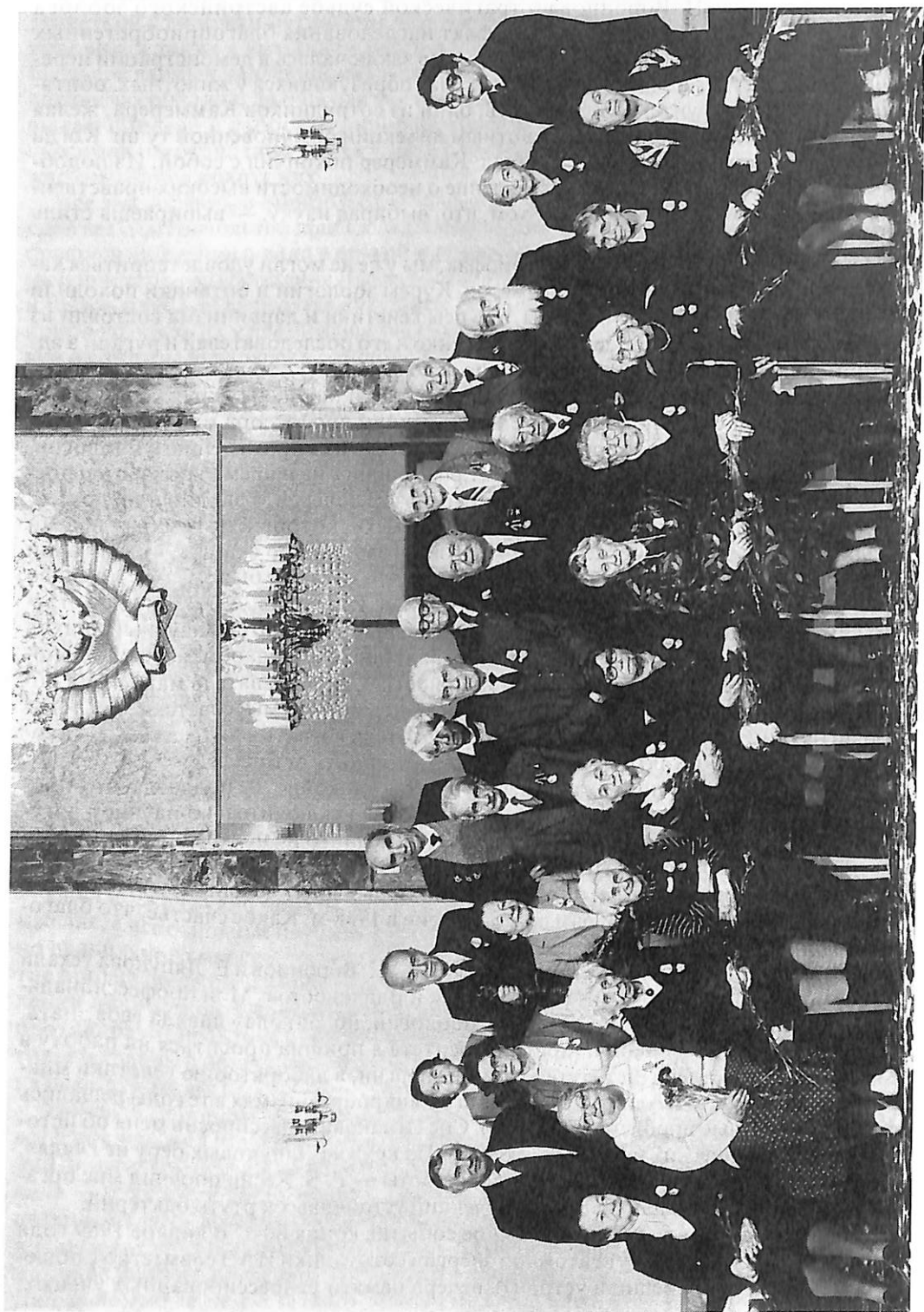
Неудивительно, что, поступив на биофак, мы уже не могли удовлетвориться качеством преподавания многих предметов. Курсы зоологии и ботаники походили на инвентаризацию фауны и флоры, а курсы генетики и дарвинизма состояли из заучивания высказываний академика Лысенко и его последователей и ругани в адрес оппонентов, без рассмотрения вопросов по существу.

Тогда же, на первом курсе, некоторые участники школьных кружков вместе с Н. Воронцовым стали посещать домашние лекции профессора мехмата Алексея Андреевича Ляпунова по вариационной статистике и ее применению в биологии. Дочери Алексея Андреевича Елена и Наталья учились на нашем курсе, и отец после работы старался расширить научный кругозор дочерей, а заодно и их друзей. Так образовался «домашний кружок Ляпуновых», который потом был назван «подпольным кружком менделистов-морганистов». Нужно сказать, что никакой «подпольности», т. е. закрытости, таинственности совсем не было. Само это слово было из арсенала революционеров-большевиков. Напротив, А. А. Ляпунов стремился открыто обсуждать любые научные проблемы. Однако сам научный подход оказывался враждебным идеологическим заклинанием. Недаром, когда по доносу на факультете организовали «дело Ляпуновых», преподаватель марксизма обвинил участников кружка в том, что «они не поверили, что мы, советские преподаватели научим их всему, что нужно знать, а захотели изучать что-то сами». Был собран комсомольский актив, где нам пытались устроить аутодафе.

Помню, как достойно держались девочки, как спокойно, не поддаваясь на провокации, выступал Николай Воронцов, пользуясь исключительно научной аргументацией. Был уже конец 1956 года, и серьезно никто не пострадал. Но мне запомнился совет профессора нашей кафедры В. Г. Гептнера: «Поверьте моему опыту — не надо ковать железо, пока горячо». Это был опыт человека, уже пережившего репрессии 30-х годов и разгром биологии в 1948-м. Какое счастье, что благоприобретенные признаки не наследуются!

В последующие годы мы редко встречались — Н. Воронцов и Е. Ляпунова уехали сначала в Ленинград, потом в Новосибирск и Владивосток. Мои профессиональные занятия ушли довольно далеко от зоологии, но «школа» давала себя знать. Года через два после окончания университета я пришла проситься на работу в Биологический отдел Института атомной энергии, в лабораторию генетики микроорганизмов к С. И. Алиханяну (именно на микроорганизмах в те годы решались фундаментальные проблемы генетики). Сос Исаакович, расспросив меня об интересах моих генетических интересов, сказал: «Из кружка Ляпуновых беру не глядя». Позднее пригодились и навыки полевой работы — Р. Б. Хесин поручил мне организацию экспедиций для создания коллекций устойчивых к ртути бактерий.

Хочется вспомнить еще одно важное событие конца 80-х. В январе 1989 года в Доме культуры Института атомной энергии сотрудники ИАЭ совместно с обществом «Мемориал» решили устроить вечера памяти репрессированных ученых.

Физики предложили мне собрать материал о репрессированных генетиках. Времени на подготовку было мало, и, зная интерес Н. Н. Воронцова к истории биологии, я обратилась к нему за помощью. Он сразу по памяти назвал много имен, помог разыскать родственников, а также порекомендовал знакомого генетика И. М. Сурикова, который активно включился в организационную работу. Если о судьбе таких ученых, как Н. И. Вавилов, Г. Д. Карпеченко, И. И. Агол и С. Г. Левит, было уже достаточно широко известно, то другие имена были забыты или известны только специалистам. По традиции «Мемориала» удалось организовать «Стену памяти» — экспозицию фотографий, с краткими сведениями о научной работе, датами рождения, ареста и гибели (последняя далеко не всегда была известна). Увы, материала о генетиках оказалось много, и пришлось собираться дважды. Да и желающих участвовать было немало. Зал Дома культуры, вмещающий более пятисот человек, оказывался переполненным. В 1989 году некоторые представители старшего поколения генетиков были еще живы. Удалось собрать вместе И. А. Раппопорта, В. П. Эфроимсона, В. С. Кирпичникова. Приехал и выступил А. А. Баев, который был осужден по делу своего учителя В. Н. Слепкова и восемнадцать лет провел в местах заключения. Посоветовавшись с Николаем Николаевичем, мы тогда приняли коллективное прошение о возвращении гражданства высланному из страны Жоресу Александровичу Медведеву, которое потом было передано в приемную Верховного Совета СССР. Н. Н. Воронцов приезжал на оба наших заседания. На вечере, посвященном Н. В. Тимофееву-Ресовскому, ему пришлось спонтанно выступать. Дело в том, что произошла техническая накладка — опаздывала Елена Саркисовна Саканян, которая должна была показать свой фильм «Охота на Зубра». И тогда Николай Воронцов вышел на сцену и, как бы предваряя фильм, стал рассказывать о Московском университете времен Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского, о его учителях, о расцвете биологической науки в России в предвоенные годы. Он держал зал минут сорок, пока не привезли фильм и можно было начать показ.

Вскоре после этого Н. Н. Воронцов стал депутатом Верховного Совета, потом министром в правительстве М. С. Горбачева. Однако, несмотря на многочисленные обязанности, он не забыл разыскать ученых, пострадавших от разгрома биологии, но сохранивших верность истинной науке, добился их награждения, с помощью фонда Сороса организовал им материальную поддержку.

Во всем следовать такому учителю просто невозможно, но сознавать себя его учеником — не только радость, но и большая ответственность.

Москва. Кремль. 26 ноября 1990 г.

После вручения государственных наград СССР генетикам и селекционерам.

Нижний ряд, слева направо: П. И. Левитина, Н. Л. Делоне, Е. Н. Герасимова-Навашина, В. В. Светозарова, Г. С. Карпеченко, Н. А. Чуксанова, С. В. Тагеева, В. Ф. Любимова, ?, Р. Х. Макашова, Е. И. Погосяни.

Второй ряд, слева направо: Г. И. Марчук, С. З. Миндлин, Н. Б. Варшавер, В. С. Кирпичников, Г. В. Гуляев, В. А. Струнников, Е. И. Лукин, В. Ф. Мирек, ?, Н. Н. Воронцов.

Третий ряд, слева направо: Ж. Г. Шмерлинг, М. В. Волькенштейн, Л. А. Блюменфельд, И. А. Раппопорт, Ю. Л. Горощенко, А. А. Малиновский, Н. П. Дубинин.